

АЛЕКСАНДР

ГИТОВИЧ

П И Р Ы
В
А Р М Е Н И И

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

Т
ИРЫ

СТИХИ

в
А
РМЕНИИ

1944-1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЙАСТАН“, ЕРЕВАН 1968

Р 2

Г 51

Предисловие Л. М. Мкртчяна

Редактор М. Э. Кузаннян

ПОЭЗИЯ И ДРУЖБА

Говорят, что личное знакомство с поэтом, стихи которого любишь, может разочаровать: создатель прекрасного может оказаться далеко не прекрасным человеком. Бывает, конечно, и так. Но когда я познакомился с Александром Гитовичем, мне вспомнилось замечание Роберта Фроста: «Мне всегда неловко говорить: «Я поэт». Это ведь все равно, что сказать о себе: «Я — хороший человек».

Александр Ильич был человеком большого личного обаяния. Он сам был, как стихи.

Михаил Светлов, стихи которого любил Александр Ильич и о котором всегда говорил с любовью, как-то заметил, что поэзия — это не профессия, а состояние, в котором человек постоянно пребывает. Александр Гитович всегда пребывал в состоянии поэзии.

И вместе с тем А. И. Гитович—поэт, недооцененный критикой. Его упрек друзьям-критикам более чем справедлив:

Все обдумают и все докажут,
А пока, над временем скользя,
Видят правду, да не скоро скажут
Наши осторожные друзья.

Поэзия Гитовича лишена внешних примет оригинальности. Вчитавшись в его стихи, чувствуешь глубину и прелесть строк, написанных без всяких претензий. Точно так же, вчитавшись в строки, сделанные с претензиями на многое, часто обнаруживаешь их плоскую ординарность. Александр Гитович написал о поэтах и туристах стиха, многое умеющих, но все-таки туристах:

Есть у туристов горные маршруты
Небезопасные. На их пути
Подъемы тяжелы, тропинки круты,
И только храбрый может там пройти.

Но на вершине снежно-серебристой,
Под ветра улюлюканье и свист,
Ты видишь: все-таки они туристы,
А ты — какой ни есть — но альпинист.

Очень может быть, что туристы «покоряли» вершины, которых не брал Гитович — у него своя высота, но это высота поэзии. В одном из стихотворений Александр Гитович сказал о том, что ему не пишется:

Мне хорошо знакома,
Помимо прочих бед,
Тоска аэродрома,
Когда полетов нет.

О, давняя невзгода
Туманов и дождей —
Нелетная погода
В поэзии моей!

Эти стихи говорят о Гитовиче как о поэте много больше, чем модные декларации иных поэтов о том, как они талантливы.

Поэзия Гитовича (и стихи конца 20-х годов, и последние стихотворения, датированные 1966 годом) полна романтики и атмосферы высокой увлеченности социалистической новью. Отсюда боль в его стихах за срывы, за омраченные беззаконием годы — и рядом со всем этим стихи, утверждающие ленинскую правду, звучащие, словно присяга:

Молчанье озлобляет нас. Но ложь —
Она в своем рассчитанном звучанье,
Давно Поэзию не ставит в грош
И потому — опаснее молчанья.

Где ж Совнаркома грозная печать
И ленинская подпись под декретом,
Где навсегда запрещено поэтам:
Во-первых — лгать, а во-вторых — молчать?!

Александр Гитович — поэт мужественных интонаций. Резкая краткость его стиха часто выражает определенность позиции автора, его бескомпромиссность. Не случайно Гитович говорит не о трех, а о четырех войнах: «И та четвертая, что надо всю жизнь вести с самим собою». В этой четвертой войне погибало людей и поэтов не меньше, чем в трех других. Гитович до конца был верен жизни, идеалам правды и поэзии.

С годами стихи Александра Гитовича приобрели большую глубину и законченность. Отдельные строки его стихов звучали, как афоризмы:

Не крупные ошибки я кляню,
А мелкий день, что зря на свете прожит...

Стихи, стихи! Возьмут они тебя,
На миг спасут — и навсегда погубят...

Нет времени, чтоб жить обидой
И обсуждать жите-бытье...

Ал. Гитович и в своих переводах был краток и выразителен. Мария Петровых говорила, что она была поражена тем, как просто и сильно сказано о смерти в одном из переводов Гитовича:

В этом мире
Сун и Цяо были,
Но потом
Их больше не встречали...

(Тяо Цянь).

О последнем прижизненном сборнике стихов Гитовича «Зимние послания друзьям» в декабре 1965 года писал ему Корней Чуковский: «Это самая выразительная Ваша книга. Я читал и перечитывал ее во время бессонницы, и мне казалось, что все Ваши послания адресованы мне. Замечательная четкость поэтической речи, лаконичность и благородство стиля — об этом я знал и раньше, но в этой компактности Вы встаете во весь рост, как мудрый и сильный поэт».

Мы знаем, как важно дорожить словом и как досадно, когда в стихах на очень важные темы слово оказывается подверженным инфляции. Только сильные стихи могут быть злободневны. Ал. Гитович много писал о дружбе, писал хорошо и был по-настоящему злободневен.

Армения, далекая и еще не знакомая Александру Гитовичу страна, как-то вдруг и неожиданно вошла в стихи поэта.

...Зима 1944 года. Волховский фронт. Здесь подружились два воина—кинодраматург Кара-Дэмур и поэт Александр Гитович. Мать Кара-Дэмура писала ему из Армении, что ждет его, что зарыла для сына бурдюк с вином — когда вернется, выпьет с лучшим своим другом. Рассказ этот и послужил для Александра Гитовича началом цикла стихов «Пир в Армении». Здесь же, на фронте, были написаны шесть сонетов, составивших цикл—основу будущей книги об Армении. Естественно, это были стихи о войне, о победе и пирах в Армении, стихи о том, что «только храбрый увидит, как течет Занга и день встает над могилой врага».

Военная лирика Гитовича полна раздумий о мире. Поэт знал, за что он воюет — и снился ему в армянских горах пир поэтов, снилось, будто

Вся в звездах, ночь забыла про невзгоды,
Как будто лагерь Братства и Свободы
Поэзия раскинула в горах...

Как бы ни была сурова война, она не могла подавить в поэте мечтателя. В стихах Гитовича военных лет Армения — романтическая страна, страна поэтических мечтаний:

Ночь Зангезура сердце мне тревожит.
Торжественного света пелену
Раскинет Млечный Путь—во всю длину —
И до рассвета не сиять не сможет.
Да будет так, как я того хочу:
И друг ударит друга по плечу,
И свет звезды пронзит стекло стакана,
И старый Грин сойдет на братский пир
И скажет нам, что изменился мир,
Что Зангезур получше Зурбагана.

Армения виделась Гитовичу своеобразным Зурбаганом — городом, который был создан пылким воображением Александра Грина. В одном из сонетов цикла «Пиры в Армении» Ал. Гитович писал:

Всю жизнь мы воевали за мечту,
И бой еще не кончен...

Когда я сказал Александру Ильичу, как понимаю эти его стихи об Армении, он ответил:

— Это вы правильно заметили. У каждого поэта должен быть свой Зурбаган, своя Армения.

После войны Гитович продолжил работу над стихами об Армении. Он побывал в Ереване, многое увидел, многое пережил. В результате появились новые стихи — стихи о современной Армении, ее истории. Армения перестала быть для поэта воображаемой страной. Изучив историю Армении в связи с ее современными судьбами, поэт хотел предугадать, чем живет народ Армении, «что он предвидит, что изобретет».

В октябре 1965 года Александр Ильич с женой прилетел в Ереван. Я должен был их встречать. Но мы, хотя и переписывались, не были знакомы. Поэтому Александр Ильич прислал свою фотокарточку. Поздно вечером 29 октября в пассажирах прилетевшего из Ленинграда самолета я без труда узнал Александра Гитовича. Он производил впечатление человека, некогда очень сильного. С хемингуэвской бородой, широкогрудый, в темном шерстяном свитере — Александр Ильич был похож на бывалого моряка, он и ходил, как моряк, широко расставив ноги. Карен, наш пятилетний сынишка, очень обрадовался знакомству

с таким интересным человеком: Карен бредил матросами.

Позднее Ал. Гитович писал: «Что касается Карика — то, хотя я и не моряк, но откуда у этого юного Мессинга есть какое-то шестое чувство? Как он узнал, что 35 лет тому назад я плавал на подводной лодке (это были маневры), и когда где-то возле Гогланда лодка, согласно заданию, опустилась на грунт — на дно Балтийского моря — и экипажу в течение трех часов нечего было делать, а комиссару нужно было какое-либо «мероприятие» — он попросил меня почитать команде стихи. И вот я, возможно, единственный стихотворец, читавший свои стихи на дне моря».

Не знаю, любил ли вообще Александр Ильич читать стихи. В Ереване он с удовольствием их слушал, но читал неохотно. Студенты университета очень просили Ал. Гитовича прийти на встречу с ними, почитать им свои стихи.

— Я хочу посмотреть Армению, хочу в деревню. А студенты везде одинаковы, — отвечал Александр Ильич.

Мы побывали в одной из деревень Эчмиадзинского района. На тихой деревенской улице перед одним из домов сушили лаваш — хлеб, выпеченный тонкими длинными листами. Мы пошли по-

смотреть, как пекут лаваш. Хозяйка — крепкая жилистая старуха, похожая на сухую виноградную лозу, обрадовалась случаю показать свое искусство — пригласила нас домой и угостила свежевыпеченным лавашом.

Александр Ильич с интересом наблюдал, как ловко насаживает старуха на своеобразную вытянутую «подушку» тонко раскатанное тесто и с размаху ударяет ею об раскаленные края врытой в землю колодцеобразной печи, называемой у нас тоныром. Мгновение — и хлеб выпечен...

Наблюдая, как проворно работает старая крестьянка, мы вспомнили Осипа Мандельштама, его стихи о том, как пекут лаваш, «как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки, из очага вынимает лавашные влажные шкурки».

Вернувшись в Ленинград, Александр Ильич написал о нашей поездке в стихотворении «Деревенский праздник»:

Вино и хлеб, рожденные из камня,—
Гостеприимство трудовой души,—
Вся эта жизнь ясна и дорога мне,
И люди здесь добры и хороши...

С Ал. Гитовичем, с его армянскими друзьями, мы отпраздновали в Ереване октябрьскую го-

довщину. Александр Ильич с женой жил в гостинице «Армения», расположенной на площади Ленина. Из гостиницы он близко наблюдал парад и демонстрацию трудящихся. Ал. Гитович написал стихотворение «Военный парад в Ереване», опубликованное затем в «Звезде» (1966, № 5). «Мне,—писал поэт об этом стихотворении,— оно дороже многих удач. В нем как бы соль всего того, что мне хотелось сказать об Армении...»

Александр Ильич подружился в Ереване с известными художниками Арутюном и Армине Галенцами и часто бывал у них в мастерской на улице Маштоца. Арутюн Галенц сделал великолепный портрет Гитовича. Художник изобразил его сильным и добрым. Это была сила многое пережившего человека, и доброта была от силы и от того, что многое пережито. Художник хотел, по-моему, сказать о человеке, прошедшем через многие жизненные испытания и сохранившем душевную стойкость. Портрет очень понравился Гитовичу. У него есть стихотворение, обращенное к этому своему портрету:

Отчетливо-твердо
Представилось мне:
Такому бы черту

На добром коне
Лететь в бездорожье
Навстречу врагу.
И проседь похожа
На бурку в пургу.

— Моя поездка в Армению была бы оправдана, если бы я увидел здесь только работы Галенца,— говорил Александр Ильич. Поэт посвятил Галенцу, его живописи несколько проникновенных стихотворений. Он подарил художнику свою фотокарточку с характерной надписью: «Великому и внезапному другу — Галенцу. 6. XI. 65 г. Ереван».

Ал. Гитович хотел, чтобы в готовящуюся тогда книгу «Пирь в Армении» вошли и его переводы с армянского. Он перевел несколько стихотворений Ов. Шираза и намерен был продолжить свою работу. В Ереване он встретился с Ширазом и прочел ему свое блестяще написанное шуточное стихотворение «Воображаемое свидание с Ованесом Ширазом», стихотворение о том, как за дружеским столом пируют два поэта

И, радуя голодный глаз,
Блестят маслины, как глаза армянки...

Юмор — характерная черта таланта Ал. Гитовича. С особой силой проявилась эта черта в его стихах, посвященных пиршествам, где вино воспевается в традициях восточных классиков, как напиток жизни, как нечто чудодейственное и живительное. Александр Ильич рассказал Ширазу легенду о том, что в древнем Китае были два списка бессмертных — в каждом по восемь человек. В одном из списков значились гениальные ученые, поэты, в другом — наиболее великие любители вина. Ли Бо был единственным человеком, который вошел в оба списка, был объявлен бессмертным и как гениальный поэт и как гениальный любитель вина.

Шираз обрадовался рассказу Гитовича и замечанию о том, что он, Шираз, мог бы попасть в оба списка, если бы не бросил пить.

Интересно говорил Александр Ильич о своей работе переводчика:

— Я переводил китайских поэтов долго. Но когда стали просить переписать переводы, я понял, что справился с задачей: китайские классики стали интересовать русского читателя.

— Современные китайские поэты пишут слабо. Я их читаю, и такое ощущение, словно они жили давным-давно, до нашей эры. Но когда

перевожу поэтов, живших за тысячу, даже за две тысячи лет назад, они мне друзья, словно вчера я с ними пил.

И как бы в подтверждение сказанного Александр Ильич прочел стихотворение Цюй Юаня (340—279 гг. до н. э.), стихотворение, особенно современно звучащее сейчас — в пору хунвейбинской политики правителей Китая:

Скорблю —
Какие люди правят нами!
В какой ничтожный век
Живу сейчас!
И слезы
Закрываю я цветами,
А слезы
Все текут из старых глаз...

— Переводчик выражает в переводимых стихах свои мысли, свои настроения. Переводчика можно сравнить с писателем, который пишет исторический роман. Например, Фейхтвангер в исторических романах выражал современность. Так и переводчик выражает сегодняшний день, если он переводит поэтов прошлых лет.

— Я прочел сегодня о том, как сказал Забо-

лоцкий о подстрочниках. Подстрочник — это развалины Колизея. Лучше не скажешь.

— Больше всего мешает делу перевода то, что достигнут некий средний уровень перевода. Ужасно, что иногда приходится переводить из-за денег.

Запомнились и некоторые другие мысли Ал. Гитовича:

— Ду Фу я люблю больше, чем Ли Бо.

— Лучшее, что написал Горький—это «Клим Самгин». У меня есть собрание сочинений Горького и отдельное издание «Жизни Клима Самгина». Когда хочется что-нибудь почитать для себя — перечитываю «Клима Самгина».

— Я очень много видел гор. Но Арарат я чувствую. У меня такое ощущение, что он все время рядом. Просыпаюсь утром — и будто рядом Арарат...

Александр Ильич говорил, что теперь он ежегодно будет приезжать в Армению. В мае 1966 года он писал: «Через четыре месяца, через 120 дней — я прилечу в Ереван. В конце концов не так уж долго ждать». Но девятого августа поэта не стало. Остались стихи, осталась дружба.

Амо Сагнян однажды заметил:

— Когда кто-то умирает, я думаю, что надо

жить лучше. И когда напишу стихотворение — решаю жить иначе. Хочется и самому быть лучше и людей видеть хорошими.

Перечитывая стихи Александра Гитовича, думая о его жизни, понимаешь, как необходимо быть добрым. Хочется и самому быть лучше и людей видеть хорошими.

Левон Мкртчян

В З Е М Л Я Н К А Х

ПРОЛОГ

С. Кара-Дэмуру

...Храбрый увидит, как течет Занги
и день встает над могилой врага.

С. Вартаньян

* *
*

Ни печки жар, ни шутки балагура
Нас не спасут от скуки зимних вьюг.
Деревья за окном стоят понуро,
И человеку хочется на юг,

Чтобы сказать: «Конец зиме, каюк»,
И — да простит мне, грешному, цензура —
Отрыть на родине Кара-Дэмура
Давно закопанный вина бурдюк.

— Он в Эриване ждет,— сказал мне друг,—
И мы его, не выпустив из рук,
Допьем до дна: губа у нас не дура.

А выпьешь да оглянешься вокруг —
И счастлив будешь убедиться вдруг,
Что это жизнь, а не литература.

* *
*

Зима — она похожа на войну,
Бывает грустно без вина зимою.
И если это ставят мне в вину,
Пожалуйста — ее сейчас я смою

Не только откровенностью прямою,
Признанием слабости моей к вину,
Но и самим вином. Как в старину,
Мы склонны трезвость сравнивать с тюрьмою.

Во-первых, это правда. Во-вторых —
Не спорьте с нами: в блиндажах сырых
Мы породнились — брат стоит за брата.

А в Эривань поехать кто не рад?
Там, если не взойдем на Арарат,
То хоть сойдем в подвалы «Арарата».

* *
*

Не крупные ошибки я клянусь,
А мелкий день, что зря на свете прожит,
Когда бывал я у молвы в плену
И думал, что злословие поможет.

Ночь Зангезура сердце мне тревожит.
Торжественного света пелену
Раскинет Млечный Путь — во всю длину —
И до рассвета не сиять не сможет.

Да будет так, как я того хочу:
И друг ударит друга по плечу,
И свет звезды пронзит стекло стакана,

И старый Грин сойдет на братский пир
И скажет нам, что изменился мир,
Что Зангезур получше Зурбагана.

Мне снился пир поэтов. Вся в кострах,
Вся в звездах, ночь забыла про невгоды,
Как будто лагерь Братства и Свободы
Поэзия раскинула в горах.

И, отвергая боль, вражду и страх,
Своих певцов собрали здесь народы,
Чтобы сложить перед лицом Природы
Единый гимн — на братских языках.

О старый мир, слепой и безобразный!
Еще ты бьешься в ярости напрасной,
Еще дымишься в пепле и золе.

Я не пророк, наивный и упрямый,
Но я хочу, чтоб сон такой же самый
Приснился всем поэтам на земле.

Конечно, критик вправе нас во многом
Сурово упрекнуть,— но если он,
К несчастью нашему, обижен богом
И с малолетства юмора лишен,

И шагу не ступал по тем дорогам,
Где воевал наш бравый батальон,
А в то же время в домыслах силен,
Пытать задумал на допросе строгом:

Где я шутил, а где писал всерьез,
И правда ль, что, ссылаясь на мороз,
Я пьянствую, на гибель обреченный?—

Пусть спрашивает — бог ему судья,—
А бисера метать не буду я
Перед свиньей, хотя бы и ученой.

Не для того я побывал в аду,
Над ремеслом спины не разгибая,
Чтобы стихи вела на поводу
Обозная гармошка краснобая.

Нет, я опять на штурм их поведу,
И пусть судьба нам выпадет любая —
Не буду у позорного столба я
Стоять как лжец у века на виду.

Всю жизнь мы воевали за мечту,
И бой еще не кончен. Я сочту
Убожеством не верить в призрак милый.

Он должен жизнью стать. Не трусь, не лги —
И ты увидишь, как течет Занги
И день встанет над вражеской могилой.

1944 г.

Волховский фронт

Л Е Т Н Я Я С К А З К А

Поэзия и поэты с древнейших времен высоко почитались в Армении. Враги поэтов всегда были врагами армян.

С. Вартаньян

Когда мечту перебивала шутка,
Сам замысел был весел и здоров,
Но не учел масштабов промежутка
Между Войной и Праздником Пиров.

И стал у музы ненадежен кров —
Порою так, бедняжке, было жутко,
Что сердце жило волею рассудка
И то — едва не наломало дров.

Все позади, мой добрый друг Кара,
Беспечный курд в несправедном Ираке.
Ты из окопов не попал в бараки —
И вот, на самом деле, нам пора —

Лететь туда, где все тебе знакомо,
Где я — в гостях, а ты — хозяин дома.

* *
*

Ржаного хлеба ржавая коврига
Нам украшала фронтовые сны —
Но долог путь от подвига до сдвига,
И нам теперь, в преддверии весны,

Благих советов ханженское иго
И скорбные упреки так нужны,
Как, например, поваренная книга
В условиях блокады и войны.

* *
*

Армения сказала нам: «Друзья,
Никто вас не обидит нарочито —
Такая здесь налажена защита,
Что даже пальцем тронуть вас нельзя.

Стоит на страже маршал Баграмян,
Чтоб лезвием бесценного кинжала
Навек отсечь еще живое жало
Антипоэтов и антиармян!»

З а н г е з у р

**К тебе, Владыка конного завода,
Я обращаюсь, голову склоня:
Ты дашь мне зангезурского коня
С такою родословной, что порода**

**Кричит в зрачках, как бы из тьмы былин,
И вместе с ним ворвусь я невозбранно
Туда, где скрыты семьдесят долин,
Как выкуп за царевича Тиграна.**

Ж и в о п и с ь

**Трудился мастер, рук не опуская,
Не требуя от ближних ничего,
Чтобы собрала эта мастерская
Весь свет, все краски Родины его.**

**Настанет день — и повлекутся к ней
Те, что бредут за гранью океана,—
И Сароян вернется в дом Сарьяна,
Как блудный сын Армении своей.**

Х а ч а т у р А б о в я н

Обысканы кустарники и скалы,
Бугры и шрамы выжженной земли —
Полиция его не отыскала,
Но мы — потомки — все-таки нашли.

Нашли полуседого человека,
Который, бросив старое жилье,
Ушел из девятнадцатого века,
Чтобы войти в бессмертие свое.

У п а м я т н и к а Ч а р е н ц у

Теперь гляди, прохожий, хорошенько —
Замедли шаг у каменных оград:
Здесь — лестница, и первая ступенька,
И вот — в проем — восходит Арарат.

И в белом блеске утреннего света,
Где тихо бьется сердце родника,
Перед загубленной судьбой поэта
Снимает шляпу секретарь ЦК.

Д О Р О Г А В Г О Р Ы

Хмельного от хлеба и соли,
Меня развлекали друзья —
Но думал старик поневоле
О том, о чем думать нельзя.

Спала под снегами Европа,
А тут уже знал человек
Звериную злобу потопа,
И разум, и Ноев ковчег.

1965

В горном монастыре

**Здесь позабудешь ты о многом:
Здесь не монахи, а жрецы
Бредут за каменным порогом,
И жертвенная кровь овцы —
Насмешка идола над богом —
Течет в унынии убогом
И спят в пещерах мертвецы.**

1966

Облака над Севаном

А. Галенцу

Пришедший из далеких стран
С поклажею нехитрой,
Сезанн, влюбившийся в Севан,
Колдует над палитрой.

Над ними глыба облаков
Плотна и серебриста —
Она, как шерсть для башлыков,
И рай — для пейзажиста.

1965

**У Б а л а б е к а
М и к а э л я н а**

На перекрестке путей
В дебрях безводного юга,
Дряхлая эта лачуга —
Истинный рай для гостей.
Я не забыл ничего,
То, что запомнил — навечно:
Так не пируют беспечно
Сильные мира сего.

Щедрому дому подстать
Кружки, подобные чашам.
Что я смогу пожелать
Добрым хозяевам нашим?
Мирные славит труды
Бывший бродяга и воин:
Было бы вдоволь воды —
А за вино я спокоен.

1966

Деревенский праздник

Вино и хлеб, рожденные из камня —
Гостеприимство трудовой души —
Вся эта жизнь ясна и дорога мне,
И люди здесь добры и хороши.

Трудись и празднуй! Мирной жизнью жить
Необходимо в каменной пустыне:
Тут грешники становятся святыми,
Но и святые склонны согрешить.

1966

Д в е ч а й к и

С. Кара-Дэмуру

Как неожиданно воспоминанья
Соединяют вместе север с югом,—
Вот и сейчас, вне моего сознанья,
Они спокойно сходятся друг с другом:

Две чайки возникают предо мною,
Как будто в сновидении незваном —
Хотя одну я видел над Невою,
Другую — в знойном небе над Севаном.

1966

Н а ш с т а р ы й к р и т и к

**Все равно мы вытащим его
На далекую прогулку — в горы,
Чтобы наши гордые просторы
Он не принимал за колдовство;**

**Чтобы и за совесть, и за страх
Понял наш насмешливый коллега,
Как смертельно устает в горах
Сердце пожилого человека.**

1966

Б о г а т с т в о

Кто-то любит город, кто-то горы,
Кто-то шум, а кто-то тишину,
Тихий лес или степей просторы,
Или моря синюю волну.

Я люблю — не ввязываясь в споры —
Гром пирушки в полуночный час,
И леса, и города, и горы:
Я, друзья мои, богаче вас.

1962

П о с в я щ е н и е

Нам нельзя путешествовать вместе,
Что доказано жизнью в былом:
Ни одно из таких путешествий
Не согласно с моим ремеслом.

Все равно ты нарушишь при этом
Договор предварительный наш —
И не тенью, а внутренним светом
Заслонишь мне людей и пейзаж.

1965

НА БЕРЕГУ ГЕДАРА

Пирь — это битвы. Заране
Был час испытанья суров:
Меня проверяли армяне —
Пригоден ли я для пиров.

И вот на колхозном базаре
Я принял, как первый удар,—
Кувшин ледяного маджари
И красного перца пожар.

1965

В «Арагиле»¹

Л. М. Мкртчяну

Собрание дятлов, соек и синиц
Мне скрашивало зимние досуги —
Так неужели здесь, на знойном юге,
Я позабуду этих милых птиц?

Но ты, Левон,— ты мне захлопнул дверь
К воспоминаньям о родных пенатах,
И я из всех своих друзей пернатых
Предпочитаю анста теперь.

1966

¹ Арагил (арм.)— аист. Здесь—название весьма популярного ресторанчика в Ереване.

Д В И Н

Ты прав опять, мой добрый Варганиян:
Нет коньяка, что равен был бы «Двику»—
Пусть я сейчас наполовину пьян,
Но я зато и трезв наполовину.

Я закаляюсь в медленном огне,
Чтоб мысль работала легко и ясно,
И то, что в Ленинграде вредно мне,
В Армении — полезно и прекрасно.

1966

С п о р т и в н ы е и з в е с т и я

**Какая сила в маленькой стране,
Пленившей помыслы мои и чувства:
Сам посуди — ну что за дело мне
До шахматного древнего искусства?**

**А я по вечерам известий жду,
Переживаю праведно и рьяно,
И с прочими армянами в ряду
Болею за железного Тиграна.**

1966

**Мысли из гостиницы
«Армения»**

**Вдали от родимого края
В табачной прокуренной мгле
Я понял, что я умираю
На древней армянской земле.**

**Душа разрывалась на части
И тело ей вторило тут —
И длилось все это несчастье
Не больше чем десять минут.**

1966

**В о е н н ы й п а р а д в
Е р е в а н е**

Путь к справедливости далек и труден.

**Трибуны — слева,
Справа — Арарат.
И дальнобойные стволы орудий
Под солнцем
Недвусмысленно блестят.**

**И, призрачной прикрытая одеждой,
Следит за ними
С самого утра
С тревогою, восторгом и надеждой —
Великая Армянская гора.**

1965

Д в а в а р и а н т а п и с ь м а к А р у т ю н у Г а л е н ц у

1

Когда устану я и затоскую
Среди литературных передраг —
Я к Вам приду, как странник, в мастерскую
И постучусь, и задержусь в дверях.

А там — иная жизнь, иные нравы,
Там, в обаянье мудрой тишины,
Вам, может быть, и впрямь не нужно славы,
Но слава скажет, что Вы ей нужны.

2

Угрюмый день. С утра передо мной
Течет туман, в низинах расползаясь.
Но мне везет: в краю, где свет и зной,
Есть на примете у меня оазис.

**Я на воздушном прилечу коне
Напиться из волшебного колодца.
И не в пустыню надо ехать мне,
А в Ереван — на улицу Маштоца.**

1966

* *
*

Так будет до самого марта:
Я сплю среди зимних ночей —
А горы Гарни и Гегарта
Стоят у постели моей.

И верю я верой младенца,
Что это — основа основ,
Которую гений Галенца
Мне создал из красок и снов.

1965

* *
*

Жизнь проходит — разве в этом дело?
Разве в неоглядности своей
Молодость когда-нибудь хотела,
Чтобы детство возвратили ей?

Так и нам печалиться не надо,
Только бы — разумна и добра —
Длилась, как последняя награда,
Деятельной старости пора.

1964

М к р т ч я н а м

**Я весной вернусь в Ереван,
А пока —
Под надзором жены —
Путешествует мой караван
По снегам —
От сосны до сосны.**

**Я весной вернусь в Ереван:
Надо только дожить до весны.**

1965

РАЗМЫШЛЯЯ ОБ ИСКУССТВЕ

С чего начинается

**Если в самые разные сроки
Ты ни разу не сдался в бою —
То сойдутся в одно твои строки
И составят поэму твою.**

**Пусть теперь, через многие лета,
Ищешь ты отпущенья грехов —
Лебединая песня поэта
Начинается с первых стихов.**

1963

* *
*

По ночам, чтоб отдохнуть от зноя,
Трудится — безропотен и строг —
Под широкой лунной белизною
Караван неторопливых строк.
Верен многолетней дисциплине,
Продолжает он ночной поход...

Где-то за пределами пустыни
Лают псы. А караван идет.

1964

* *
*

Молчанье озлобляет нас. Но ложь —
Она в своем рассчитанном звучанье,
Давно Поэзию не ставит в грош
И потому — опаснее молчанья.

Где ж Совнаркома грозная печать
И ленинская подпись под декретом,
Где навсегда запрещено поэтам:
Во-первых — лгать, а во-вторых — молчать?!

1964

**Д в а д ц а т ь л е т
с п у с т я**

В. Шефнеру

**Быть может, надеялись где-то,
Что наша работа — пустяк,
Но в таинствах мрака и света
Мы знали, что это не так.**

**Ведь было бы попросту глупо —
Как воду носить решетом,—
Чтоб наша бродячая труппа
Играла в театре пустом.**

1964

С т е п ь

**Поэт, как время над просторами,
Царит в степи своей голодной.
Тот, кто уходит в глубь Истории,
Уходит в глубь души народной.**

**Там, где в пещере люди грезили,
Там — на стене — его начало:
Там молчаливая Поэзия
Свои стихи нарисовала.**

1964

Р а с с в е т

**Смотри и слушай: не сейчас ли
И звук звучит, и светит свет?
Покамест звезды не погасли,
Готовься встретить день, поэт.**

**Вновь будут звезды загораться
И птицы петь в ночной тиши,—
Пойми их труд, чтоб разобраться
В системе вечных декораций
К последним подвигам души.**

**И если крылья не повисли
И ты не выдохся в борьбе —
Звук мысли и рисунок мысли
Ты вновь соединишь в себе.**

1962

Г р о з а

(МОНОЛОГ)

**«Всю ночь грома мои гремели
И справедливый длился бой —
А ты проспал его в постели,
И мы не встретились с тобой.**

**Теперь иная правит сила,
Теперь сияет солнца свет —
Я добровольно уступила
Ему плоды своих побед.**

**Лепечут птицы — те, что спали
Иль трепетали до утра,
И голоски их зазвучали,
Как не могли звучать вчера.**

**Нет, не пришла к поэтам мудрость:
Гроза и солнце — мы равны,
Как день и вечер, ночь и утро,
Чередоваться мы должны.**

**Зари сияющей предтеча —
Моею начата слезой...»**

**Гармония противоречий
Приходит только за грозой.**

1962

К о с т е р

Зная прихоти мгновенья,
Мне в костер стихотворенья,
Чтоб огонь его не гас —
Надо вновь подбросить строчку

Из таких,
Что в одиночку
Отыскал я
И припас.

Хороши вы
Строчки эти:
Эту выбрать
Или ту?

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.

1962

А л е н у ш к а

Позабыть она сегодня вправе
Все, что ей солгало бытие:
Грустную неправду фотографий,
Ханжеское зеркальце свое.

Лунный вечер оказал ей милость —
В колдовской воде отражена,
Девушка внезапно убедилась,
Что была русалкою она.

Так слагали древние народы
Правду сказок, канувших во тьму,
Где живая живопись Природы
Учит нас Искусству своему.

1963

Б и т в а

**Есть мир
Таких понятий и предметов,**

**Такого самомненья
Торжество,**

**Что только
Племя грозное поэтов,**

**Быть может, в силах
Одолеть его.**

1961

С т и х и н е и з в е с т н ы х П О Э Т О В

Неведомых художников холсты,
Внезапно получившие признание,
Музеи купят в громе суеты,
Чтобы пополнить пышное собрание.

Но неизвестных стихотворцев труд,
Стихи, рожденные для долгой жизни,—
Их ни в какой музей не продадут:
Они давно подарены Отчизне.

1961

Э й н ш т е й н

«Нам — хлеб за мысль? Да это что — угроза?
Мыслитель должен быть — во все века —
Гранильщиком алмазов, как Спиноза,
Иль сторожем морского маяка.
За это ремесло он будет вправе
Есть хлеб земной и прокормить семью
И продолжать, не думая о славе,
Бессонный труд — нагую мысль свою.
Та Мысль — Бессмертье, Правда и Свет
Живых людей и формул отвлеченных...»—

Так говорил храбрейший из ученых.
А что Искусство сочинит в ответ?

1962

ИЗ ЦИКЛА «ПИКАССО»

П и к а с с о

Когда мне было восемнадцать лет
И я увидел мир его полотен —
С тех пор в искусстве я не беззаботен
И душу мне пронзает жесткий свет.

И я гляжу, как мальчик, вновь и вновь
На этих красок и раздумий пятна —
И половина их мне непонятна,
Как непонятна старая любовь.

Но и тогда, обрушив на меня
Своих могучих замыслов лавину,
Он разве знал, что я наполовину
Их не пойму до нынешнего дня?

Так вот, когда одну из половин —
Я это знаю — создал добрый гений,

Какой же будет смысл моих суждений
О той, второй? Что я решу один?

Нет, я не варвар! Я не посягну
На то, что мне пока еще неясно,—
И если половина мне прекрасна,
Пусть буду я и у второй в плену.

1961

Д е в о ч к а н а ш а р е

Не тогда ли в музее — навеки и сразу, —
В зимний полдень морозный и синий,
Нас пронзило отцовское мужество красок,
Материнская сдержанность линий?

Не тогда ль нас твое полотно полонило —
Благодарных за каждую малость:
Мы видали, как вечная женственность мира
Из мужского ребра создавалась.

Но не думали мы про библейские ребра,
Просто нас — до плиты до могильной —
Научил ты, что сила становится доброй
И что нежность становится сильной.

1961

«Н и щ и й у ж и н»

Читатель мой! Ты снова обнаружен
Как истинный ценитель. Мы должны
Пойти вдвоем, взглянуть на «Нищий ужин»,
На руки мужа и глаза жены.

И ты поймешь — сын трудового класса,—
Что старую клеенку на столе
Сжимают руки самого Пикассо,
Натруженные в страшном ремесле.

1963

М а т а д о р

**Нет времени, чтоб жить обидой
И обсуждать жите-бытье.**

**Вся жизнь его была корридой,
Весь мир — свидетелем ее.**

**Честолюбивое изгнание
Не прерывало вечный бой
Под солнцем трех его Испаний
И той — единственной о д н о й.**

**И сквозь слепящее столетье
Он на быка глядит в упор —
Никем и никогда на свете
Не побежденный матадор.**

1961—1963

К портрету

Отчетливо-твердо
Представилось мне:
Такому бы черту
На добром коне
Лететь в бездорожье
Навстречу врагу.

А проседь похожа
На бурку в пургу.

1966

Ч и т а т е л ь п о э з и и

Чудеса да и только — порою
Поражался я им: почему
Восхищается мальчик строкою,
Не совсем еще ясной ему?

И душа его юная рада,
И полна неожиданных сил,
Словно нынче от старшего брата
Он внезапно письмо получил.

Но, поездив по белому свету,
Разгадал я сие колдовство:
И любовь, и пристрастье к поэту
Начинается с веры в него.

1963

С о б ы т и е

**Стихотворенье!
Отклик на событие!**

**Нет, добрый критик мой:
Само оно**

**Должно быть фактом
В нашем обществе**

**И праздничным событием
Быть должно;**

**Притом внезапным,
А не календарным,**

**Чтоб, от всего
От сердца своего,**

**Поистине
Тепло и благодарно**

**Откликнулся читатель
На него.**

1963

В г о р а х

1

Мешок заплечный спину мне натер.
Подъем все круче. Тяжко ноют ноги.
Но я лишь там раскину свой шатер,
Где забывают старые тревоги.

И не видать конца моей дороги...
Вдали горит пастушеский костер.
Иду на огонек. Пустой простор
Молчит кругом — и не сулит подмоги.

И для чего мне помышлять о ней?
Уже я слышу, как в душе моей
Звенят слова блаженно и упруго.

Уже я радуюсь, что путь далек.
А все-таки сверну на огонек,
Где, может быть, на час найду я друга.

Есть у туристов горные маршруты
Небезопасные. На их пути
Подъемы тяжелы, тропинки круты,
И только храбрый может там прейти.

Но на вершине снежно-серебристой,
Под ветра улюлюканье и свист,
Ты видишь: все-таки они туристы,
А ты — какой ни есть — но альпинист.

1944—1963

**Надпись на книге
«Лирика китайских
классиков»**

Н. П. Конраду

**Верю я, что оценят потомки
Строки ночью написанных книг —
Нет, чужая душа не потемки,
Если светится мысли ночник.**

**И подвластные вечному чувству,
Донесутся из мрака времен —
Трепет совести, тщетность искусства
И подавленной гордости стон.**

1961—1963

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ АРАКСА

Мое искреннее мнение, как частного лица, таково, что освобождение Армении от Турции станет возможным лишь тогда, когда будет сокрушен русский царизм.

Энгельс

**Текли века — и позабыть пора бы
Религию погромов и резни,
Когда зеленая чалма араба
Здесь заслоняла солнечные дни.**

**А там и ты пришел, Абдул-Гамид,
Побаловаться в каменных деревьях —
Поет зурна, и барабан гремит,
И трупы коченеют на деревьях.**

* *
*

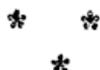
Армения! Как путь в небытие,
Твой старый враг не покидает сцену,
Лелея за кулисами Измену
И снаряжая воинство ее.

Еще тебя отметят смертным знаком,
Поволокут с проклятьем и хулой —
И поп облобызается с дашнаком,
И сын попа обнимется с муллой.

* *
*

**Но кто сказал — с презренного похмелья —
Что сломан меч и продырявлен щит?
Молчит провал Аргинского ущелья,
Но память у народа не молчит.**

**Его звезда горит в беззвездном мраке
И он увидит, став на перевал,
Что не подымут голову дашнаки,
И будет так, как Ленин завещал.**

Армения! Бессмертен твой народ —
Он не числом прославлен, а умением —
И на него глядят с недоумением:
Что он предвидит? Что изобретет?

В какой еще посмотрит телескоп,
Какое чудо вырастит в долине,
Через какой перемахнет окоп,
Чтоб вместе с нами ликовать в Берлине?!

* *
*

С балкона — сверху — видно было мне,
Как на дорожке, выметенной чисто,
Стояли иностранные туристы
У памятника «Павшим на войне».

А зной плясал по черепице крыш,
И сон пришел, незримо и неожиданно,
И снились мне Отвага, и Париж,
И улица Мисака Манусяна.

1964

ПО ТУ СТОРОНУ АРАКСА

П о д р а ж а н и е П у ш к и н у

Не забыли мы, как в селах отчих
Полыхал неистовый пожар —
На страну строителей и зодчих
Пали ятаганы янычар.

И когда нас буря долу гнула,
Различали мы через туман
Драгоценные дворцы Стамбула,
Созданные гением армян.

В а л у н ы

**Мне кажется, что когда-то
Природа в глубоком горе
Оплакивала Армению
Каменными слезами.**

**И слезы соединясь,
Подобно шарикам ртути,
Образовали эти
Гладкие валуны.**

1966

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПИР

В с т у п л е н и е

Поэзия! Будь на ногу легка,
Чтоб в гости ездили поэт к поэту,
Чтоб разум не сидел у камелька,
А бодро путешествовал по свету.

Быть может, в этом-то и корень зла,
Что — как признала братская беседа —
Недалеко от глупости ушла
Безрадостная мудрость домоседа¹.

Т о с т

1

Итак, в объятьях дружеского пира,
Я стал как будто духом посмелей:

¹ «Недалеко ушла от глупости домоседская мудрость». Шекспир.

Я ловко процитировал Шекспира,
Учитывая близкий юбилей.
Не покидай меня, лихая лира,
И в грозный рог еще вина налей,—
Прибавь мне сил и выдумки для тоста,
Которым здесь блеснуть не так-то просто.

2

— Друзья мои! Как будто с колыбели
Я с вами связан в сумраке времен.
Пусть с нами нет могучего Орбели,
Иосифа Абгаровича,— он
Всегда следил, чтоб мы не оробели
И свято чтим божеский закон:
Чтобы никто на донышке стакана
Не оставлял ни капли «Еревана».

3

И он учил, что у судьбы-злодейки
Ты должен вырвать, хоть из-под земли,—
Зачем богатство?—только три копейки
И первая копейка — для семьи;
Вторая — для совсем другой семейки,
Где празднуют товарищи твои;

Ну, а поскольку есть и свет, и тень,
То третья, так сказать, на черный день.

4

И вот теперь, среди друзей пируя,
Гостеприимство горное ценя,
Я буду пить сегодня за вторую,
Что сберегли армяне для меня,—
Хотел бы греться у ее огня
До той поры, покамест не умру я,
И да простит семья мои стихи,
Как прочие немалые грехи.

Э п и л о г

Нам ни к чему преуменьшать удачи,
Столь редко посещающие нас,—
В Армении мы стали побогаче
И кое-что скопили про запас.

На склоне лет мы сможем вспомнить пир
Во всем его языческом размахе —
Свободу, а не ханжеский трактир,
Где втихомолку пьянствуют монахи.

1964

**В о о б р а ж а е м о е
с в и д а н и е с О в а н е с о м
Ш и р а з о м**

(Неправильные октавы)

...Больше ничего
не выжмешь из рассказа моего.

А. Пушкин

1

Нам ненавистны варварские пьянки,
Мы пьем степенно, Ованес Шираз,—
И, если это правда без прикрас,
Закажем, друг, по порции солянки,
Такой, где радуя голодный глаз,
Блестят маслины, как глаза армянки,
Что многократно, но не впопыхах
В твоих изображаются стихах.

2

Вот это значит уважать культуру,
А не бесчинствовать в дыму и мгле,
Где пьют пижоны «под мануфактуру»,
Чтоб через час валяться на земле.

Да, мы придем домой навеселе,
Но не обидим нервную цензуру:
Ее — среди всеобщей кутерьмы —
Никто не пожалеет так, как мы.

3

Обед по-царски и шашлык по-карски —
Синонимы. Тут разных мнений нет.
Мы не нуждаемся ни в чьей указке,
Чтоб сочинить наш княжеский обед.
Пока есть деньги, мы живем как в сказке,
Ну, а наутро, чуть забрезжит свет,
Мы дома вывернем свои карманы
И как-нибудь опять нальем стаканы.

4

И вот плывут, не ведая смущенья,
Как равные, солянка и шашлык:
То двух культур, достойных восхищенья,
Немой, но выразительный язык,—
И дух взаимного обогащенья
Над ними вьется, важен и велик.
И, понимая это, мы запьем
Солянку — водкой, а шашлык — вином.

5

Могучей кулинарии наука —
Ты хороша и ныне, как в былом,
Ты и теперь, не зная слова «скука»,
Объединяешь нас таким теплом,
Что даже фаршированная щука
Была бы тут не лишней за столом.
Хотя тогда, Шираз, придется снова
Потребовать у девушки спиртного.

6

«Да будет так,— кивает Ованес,—
Я замечаю, что с твоим приездом
В меня как будто бы вселился бес,
Он прямо в душу — окаянный — влез,
Усевшись там определенным местом,
И не видать, чтоб скоро он исчез.
И если это, друг мой, предпосылка,
То следствием пусть явится бутылка».

7

По мне, хоть две бутылки: я не жмот —
Они ускорят ровный ритм рассказа —

Но люди скажут, что виновен тот,
Кто совратил непьющего Шираза,
Который духом трезвости слывет
От Закавказья до Владикавказа.
Я не хочу, чтоб от меня народ
Шарахался, как от дурного глаза.
И так тревога прибавляет сил,
Что я октаву эту удлинил.

8

А впрочем, пусть десятки зорких глаз,
Слегка знакомых или незнакомых,
Все это видят: нам пришлось не раз
Спокойно пить в прославленных хоромаш
На тех дипломатических приемах,
Где улыбались, сидя возле нас,
И переглядывались временами
Нарзанщики, следившие за нами.

9

И что ж? Мы — живы. Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.

1965 г.

Комарово

* *
*

Вся в копоти угрюмой нищеты,
Но чище света солнечного ты —
Седая мать.

Ты стар, как хижина у горных круч,
Но, словно жернов мельничий могуч —
Седой отец.

Ты далеко, как скорбный Арарат,
И рядом ты, как гордый Арарат —
Надежды свет.

* *
*

**Не каждый, кто горит, приносит людям свет.
На жалкую свечу давно надежды нет,
И если он горит, чтоб одному согреться,
То даже сам в ночи не будет он согрет.**

Н и а г а р а

Как обвал, устремившись дорогой крутой,
Ты навеки поссорилась с высотой —

Ниагара! Ты рвешься к желанной свободе —
Воплощение гнева в бессмертной Природе.

Пусть и рев, и стремленья твои бесполезны,
Слишком ты велика для открывшейся бездны...

Но грозу твоей страсти и пены кипенье
Я в груди ощущаю в часы вдохновенья.

* *
*

Луна — как чаша, свет ее — вино,
И вот я пьян: теперь мне все равно
Кого целую — все сегодня пьяны,
И всем нам целоваться суждено.

ПРИМЕЧАНИЯ

Зангезур — Ксенофонт говорил: «Армянские лошади меньше персидских, но в них больше огня».

В Армении горные хребты прорезываются десятками ущелий, и многие из них прячут свои небольшие долины, в которых уже тысячелетия назад шла жизнь армянского народа, как сосредоточивается она в них и сейчас. Вот почему с древнейших времен сохранился в Армении своеобразный учет долин, счет на долины. До сих пор можно услышать у армянских сказителей про злое чудовище, обложившее родник или захватившее речку, чтобы сторожить от смертных число долин, не давая никому их сосчитать. Любопытно, что еще в 95 г. до нашей эры, когда молодой царевич Тигран II был заложником у парфян, он, по свидетельству Страбона, должен был

отдать Парфии в виде выкупа за свое освобождение «семьдесят долин».

Х а ч а т у р А б о в я н (1804—1848)— великий писатель и просветитель, основатель новой армянской литературы. В 1848 году бесследно исчез. До сих пор тайна его исчезновения не раскрыта.

Ч а р е н ц Е г и ш е (1897—1937)— армянский поэт, коммунист с 1917 года.

А р а б с к о е и г о— в Армении длилось около двухсот лет. Борьбе против него посвящен национальный эпос «Давид Сасунский».

А б д у л - Г а м и д— турецкий султан в 1876—1909 гг. разработал план уничтожения турецких армян под предлогом их симпатии к России и заслужил прозвище «кровавый».

Д а ш н а к и— буржуазные националисты, установившие в мае 1918 г. свою диктатуру в Армении. «Армения в дни дашнаков была страной слез, страной сирот, страной нищеты и дикого произвола». (А. И. Микоян).

Аргинское ущелье — 13 мая 1920 г. вспыхнуло восстание армянского народа против правительства дашнаков (буржуазных националистов). Дашнаки подавили его со зверской жестокостью. Большевики, руководившие им, мужественные сыны народа, чьи имена стали в стране бессмертными — Гукас Гукасян, Степан Алавердян, Саркис Мусаэлян, Баграт Гарибджанян — были замучены и убиты. Центром «Майского восстания» был Ленинакан, тогда Александрополь. После поражения Гукас Гукасян хотел с группой восставших пробиться в Азербайджан, на соединение с Красной Армией, но дашнаки окружили их у Аргинского ущелья и всех зарубили.

Мисак Манушян — коммунист, герой французского Сопротивления, командир партизанской бригады. Расстрелян немцами за несколько дней до освобождения Парижа. Сейчас его именем названа одна из улиц французской столицы.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Мкртчян. Поэзия и дружба	3
---------------------------------------	---

В землянках

Пролог

Ни печки жар, ни шутки балагура... . . .	19
Зима — она похожа на войну... . . .	21
Не крупные ошибки я клянчу... . . .	22
Мне снился пир поэтов. Вся в кострах... . . .	23
Конечно, критик вправе нас во многом... . . .	24
Не для того я побывал в аду... . . .	25

Летняя сказка

Когда мечту перебивала шутка... . . .	26
Ржаного хлеба ржавая коврига... . . .	27
Армения сказала нам: «Друзья...» . . .	28
Зангезур	29
Живопись	30

Хачатур Абовян	31
У памятника Чаренцу	32

Д о р о г а в г о р ы

Хмельного от хлеба и соли...	23
В горном монастыре	34
Облака над Севаном	35
У Балабека Микаэляна	36
Деревенский праздник	37
Две чайки	38
Наш старый критик	39
Богатство	40
Посвящение	41

Н а б е р е г у Г е д а р а

Пирь — это битвы. Заране...	42
В «Арагиле»	43
Двин	44
Спортивные известия	45
Мысли из гостиницы «Армения»	46
Военный парад в Ереване	47
Два варианта письма к Аругюну Галенцу	48
Так будет до самого марта...	50
Жизнь проходит—разве в этом дело?..	51
Мкртчянам	52

Размышляя об искусстве

С чего начинается	53
По ночам, чтоб отдохнуть от зноя...	54
Молчанье озлобляет нас. Но ложь...	55
Двадцать лет спустя	56
Степь	57
Рассвет	58
Гроза	59
Костер	61
Аленушка	62
Битва	63
Стихи неизвестных поэтов	64
Эйнштейн	65

Из цикла «Пикассо»

Пикассо	66
Девочка на шаре	68
«Нищий ужин»	69
Матадор	70
К портрету	71
Читатель поэзии	72
Событие	73
В горах	75
Напись на книге «Лирика китайских классиков	77

На левом берегу Аракса

Текли века—и позабыть пора бы... . . .	78
Армения! Как путь в небытие... . . .	79
Но кто сказал — с презренного похмелья... . . .	80
Армения! Бессмертный твой народ... . . .	81
С балкона—сверху—видно было мне... . . .	82

По ту сторону Аракса

Подражание Пушкину	83
Валуны	83

Прощальный пир

Вступление	85
Тост	85
Эпilog	87
Воображаемое свидание с Ованесом Ши- разом	88

Из Ованеса Шираза

Блестящую форму, друзья мои, видите вы... . . .	92
Вся в копоги угрюмой нищеты... . . .	93
Не каждый, кто горит,—приносит людям свет...	94
Ниагара	95
Луна—как чаша, свет ее—вино... . . .	96
Примечания	97

Александр Ильич Гитович
«Пиры в Армении»

Художник **Х. Г. Гюламирян**
Худ. редактор **А. В. Гаспарян**
Техн. редактор **В. С. Халатян**
Контрольный корректор **Р. Т. Мальцева**

Сдано в производство 12/III 1968 г.

Подписано к печати 12/VI 1968 г.

Бумага типографская № 1, 60×90¹/₃₂. Печ. 6,5 л.

Уч.-изд. 1,9 л.+1 вкл.

ВФ 08446

Заказ 555

Тираж 5000.

Цена 24 коп.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарт Гл. управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Армянской ССР, Ереван, ул. Теряна, 91.

ЦЕНА 24 К.

АНАСТАН